

И. С.
АКСАКОВ

Сочинения

Иван Сергеевич Аксаков

О письмах В. Г. Белинского к К. С. Аксакову

«В бумагах К. С. Аксакова мы могли отыскать до сих пор только пять писем Белинского и одну записку, которые и помещаем. Считаем нелишним дать при этом некоторое объяснение. К. С. вступил в университет в 1832 году, 15-ти лет от роду, и тотчас был принят в общество молодых талантливых людей, окружавших Николая Станкевича...»

Иван Сергеевич Аксаков
О письмах В. Г. Белинского к
К. С. Аксакову

В бумагах К. С. Аксакова мы могли отыскать до сих пор только пять писем Белинского и одну записку, которые и помещаем. Считаем нелишним дать при этом некоторое объяснение. К. С. вступил в университет в 1832 году, 15-ти лет от роду, и тотчас был принят в общество молодых талантливых людей, окружавших Николая Станкевича: все они были его гораздо старше (Станкевич – на 4, Белинский – на 7 лет), и он вполне подчинился их влиянию. Кроме Белинского, к этому обществу принадлежали однокурсники Станкевича: Сергей Строев (печатавший свои исследования под именем Скромненко), А. П. Ефремов (занимавший потом несколько времени кафедру географии в университете), поэт Красов и И. П. Ключников, также поэт, подписывавший свои стихи буквою «Ф». Пишущему эти строки было в год вступления К. С. в университет только 8 лет; в детскую его память врезались следующие стихи из послания Ключникова к Станкевичу, впрочем, года два-три позднее написанного:

*К тебе, хозяин, в твой приют,
И тесный, и холодный,*

*Толпою юноши идут
Беседовать свободно.*

.....
*Хвала тебе, Белинский – млат
И бич литературы,
Тебя завидя, супостат
Бежит твоей фигуры!*

К этому же кружку принадлежали потом и В. П. Боткин и М. Н. Катков, вступивший в университет двумя годами после К. С. Впоследствии, с 1835 кажется года, присоединился к кружку и М. Бакунин: одним словом, он состоял почти весь из людей, отмеченных замечательными дарованиями. Впрочем, о серьезном и важном значении этого кружка в истории русского общества и литературы писано было довольно; мы же имеем здесь в виду пояснение некоторых мест в письмах, а также отношение к кружку самого К. С. Станкевич, о котором К. С. отзывался всю жизнь с каким-то нежным благоговением, оказывал могучее нравственное влияние на своих приятелей, сдерживал цинизм выражений Белинского и некоторое нахальство Бакунина. Он дал ему, по выходе в свет «Ревизора», про-

звание Ивана Александровича Хлестакова, которое долго за Бакуниным и оставалось (как видно из одного письма Ефремова в 1838 г. к К. С.). Скоро, однако, это общество, особенно благодаря Бакунину, и особенно после отъезда Станкевича, стало превращаться именно в *кружок*, тесный, душный, деспотичный, который послужил И. С. Тургеневу темой для его «Гамлета в Щигровском уезде». В отсутствие Станкевича первенство в кружке перешло на время к Бакунину. «Дилетант философии», Бакунин явился пропагандистом Гегеля и, как блистательный диалектик, всех увлек за собою, все стали гегелианцами, прочитав из его 18 томов два, не более. Бакунин же рассортировал всех по разным степеням развития – по Гегелю: К. С., как юнейшего, чистого жизнью и душою, идеалиста, поэта, поставил на степень *schöne Seele* (отсюда встречающееся в письме Белинского слово «прекраснодушие» – низшая степень развития); себя произвел в *verklärter Geist* (*просветленный дух – высшая степень*); прочие, кажется, обретались в «рефлексии». Все вместе, однако, (кроме Бакунина) продолжали пребывать

В «отвлеченности».

Так не могло продолжаться, конечно; да и влияние Бакунина, простиравшееся даже на частную жизнь многих членов кружка, – при его практической натуре, жаждавшей внешней деятельности и не очень строгой относительно некоторых нравственных правил, – было слишком разлагающего свойства. К. С. с 1838 г. стал уже особенно сильно тяготиться своими отношениями к кружку, своею нравственною от него зависимою. Привычка смотреть на него как на 15-летнего юношу (каким он был при вступлении) слишком долго держалась. Таланты его мало признавались; его самобытности (а он был весь – самобытность) не давалось простора; и нравственные, и русские его чувства были слишком часто оскорблены. Наконец кружок в отсутствии Станкевича и потом, после его смерти, стал склоняться в сторону *левых гегелианцев*, к отрицательному направлению (не только в отношении политическом, религиозном и пр., но и относительно русской народности), а впоследствии, в сороковых годах, слился с кружком Герцена. Пока Белинский жил в

Москве, он еще оставался верен чистому философскому и эстетическому направлению; долее всех сохранял с ним и К. С. если не дружеские, то товарищеские связи. С переездом Белинского в Петербург и с постепенным изменением его воззрений, эти отношения стали охладевать. По прямоте своего характера, К. С., в конце 1839 или в 1840 г., открыто порвал сношения почти со всеми оставшимися в Москве адептами кружка, о чем, как видно, писал и Белинскому. Сохранился неотделанный набросок стихов, где он изображает испытанный им гнет и внутренние страдания и торжествует свое освобождение. В этом же 1840 г., после одного или двух писем Белинского, которые, к сожалению, не сохранились, последовал разрыв и между ними. Иначе и быть не могло. В это время уже слагался в К. С. проповедник того учения, которому сам Белинский дал, в раздражении, кличку «славянофильства» (разумея славянофильство Шишкова) и которое, по всеобщему теперь признанию, получило во всяком случае почетное значение в истории русского общественного развития.

Белинский был, независимо от своего критического таланта, человек замечательный по своей высокой честности и безусловной искренности, чуждой каких бы то ни было расчетов. Он несомненно всегда, везде домогался «истины». Но по его страстной природе, его убеждения, всегда искренние, не были глубоки и часто менялись, причем он нередко переходил из одной крайности в другую. В кругу приятелей его звали «неистовым Виссарионом». Первая, помещаемая ниже*, записка относится, вероятно, к концу 1836 г. или началу 1837 г., когда Белинский готовил свою грамматику. Далее следуют два письма с Кавказа летом 1837 г., куда он ездил вместе с А. П. Ефремовым. Наконец, три письма 1840 г. уже из Петербурга. Во втором из них упоминается о каком-то письме, глубоко оскорбившем К. С. Сколько помнится из рассказов К. С. (пишущий эти строки с 1838 по 1842 гг. не жил в Москве, а воспитывался в Петербурге), было еще письмо Белинского, преисполненное самых грубых, неистовых, цинических ругательств на Россию и русского человека и самоуверенной похвалы, что в этом его но-

вом отношении к русской народности заключался «новый момент развития», высшая точка зрения, истинное разумение деятельности. С свойственным ему остервенением искренности, Белинский мял и топтал беспощадно то, чему еще недавно сам поклонялся, глумился над Москвою и над новым направлением, которое уже возникало и созревало в К. С. Это было каплею, переполнившею сосуд. К. С. отвечал резким, коротким письмом, и разрыв совершился. Тем не менее, оба служили истине, – как каждый из них ее понимал (а мы думаем, что с переездом в Петербург, Белинский увлекся в путь ложный) – с беззаветным увлечением и ни разу не изменившею себе искренностью.